

**Б. В. Томашевский и Ю. Н. Тынянов
в работе над статьей «Мнимый Пушкин»**

А. Устинов¹, И. Лоцилов²

¹ САН-ФРАНЦИСКО, США

² ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН, НОВОСИБИРСК

Настоящая публикация посвящена обстоятельствам работы Бориса Викторовича Томашевского (1890–1957) и Юрия Николаевича Тынянова (1894–1943) над совместной статьей «Мнимый Пушкин». Здесь впервые печатается черновик части Томашевского, автограф которого был найден Е. А. Тоддесом (1941–2014). Сведения об этих материалах, относящихся к 1922 г., использованы при комментировании одноименной статьи Тынянова, которая была впервые напечатана в 1977 г. в составе издания «Поэтика. История литературы. Кино».

Авторы реконструируют историю замысла Томашевского и Тынянова о совместном написании статьи, посвященной сочинениям, ошибочно или намеренно приписанным Пушкину. Эта работа должна была появиться в альманахе «Недра» в 1923 г. или в журнале «Печать и революция» год спустя. Однако соавторство не состоялось, и единственным примером их совместной работы осталась статья «Молодой Тютчев» (1923).

Пять частей, написанные Тыняновым, и примыкающая к ним незаконченная заметка Томашевского основаны на общей платформе пересмотра основ современной им науки о Пушкине. Оба ученых хорошо понимали необходимость новой теоретической и историко-литературной методологии для изучения творчества поэта, выступив с критикой претендовавших на новизну пушкинистов Николая Осиповича Лернера (1877–1934), которому посвящены части, написанные Тыняновым; и Модеста Людвиговича

Устинов А., Лоцилов И. Б. В. Томашевский и Ю. Н. Тынянов в работе над статьей «Мнимый Пушкин» // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 68–88.

Гофмана (1887–1959) – о его ошибках идет речь в публикуемой заметке Томашевского.

Резкость тона Тынянова по отношению к Лернеру основана на том, что он воспринял как личное оскорбление пасквильную рецензию последнего на предпринятое им посмертное издание поэмы Георгия Маслова «Аврора», вышедшее в 1922 г. со вступительной статьей Тынянова, написанной про него. Два года спустя, готовя «Мнимого Пушкина» к печати, он смягчил тон полемики с Лернером, который задел память о поэте и товарище Тынянова по пушкинскому семинарию С. А. Венгерова, Георгия Владимировиче Маслове (1895–1920), умершем от тифа в Красноярске при отступлении белой армии. В своей части «Мнимого Пушкина» Томашевский всего лишь перевел в полемический регистр основные положения своей статьи «Новое о Пушкине» (1922), посвященной критическому разбору текстологических построений Гофмана.

Этим объясняется стилистическое и эмоциональное несовпадение частей статьи, которая задумывалась как соавторская, поскольку изначальная идея статьи обнаруживает общность подходов Томашевского и Тынянова. На их взгляд, притязания на «новую главу науки о Пушкине» (название книги М. Л. Гофмана) несостоятельны, так как и Гофман, и Лернер, наподобие ученых XIX в., консервативно придерживаются эстетически-оценочного, а не критико-аналитического подхода.

В «Мнимом Пушкине» это, в том числе, выражено формально – в обращении к латинской пословице «*Ex ungue leonem pingere*» («По когтю узнают льва»), которая обыграна как Тыняновым, так и Томашевским.

Ключевые слова: история литературной критики, пушкинистика, ОПОЯЗ, научная полемика, русский формализм, А. С. Пушкин, Г. В. Маслов, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, Е. А. Тоддес.

УДК 82-991.1

DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-68-88

Контактная информация: Устинов Андрей, Ph. D., филолог (Сан-Франциско, США, abooks@gmail.com)

Лоцилов Игорь Евгеньевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, loshch@yandex.ru)

...мы, в сущности, всегда вместе – кто есть, был и будет, – то есть все живые, мертвые, нерожденные и воображаемые.

Ю. Чумаков

В самом начале 1920-х гг. Б. В. Томашевский принимает жизненно важное решение посвятить себя историко-филологической работе. Завер-

шив свою инженерную службу в Москве, он окончательно расстается с профессиональной деятельностью на этом поприще и возвращается в Петроград, который вынужден был оставить с началом Первой мировой войны. К этому времени относится его письмо новоявленному редактору отдела литературы петербургских «Биржевых Ведомостей» Акиму Волынскому. Отвечая на настоятельное приглашение стать постоянным автором газеты, Томашевский описывал диапазон своих филологических тем и литературно-критических предпочтений:

Не имея ничего принципиально против участия в Вашей уважаемой газете, могу только заметить, что по условиям настоящей моей работы я лишен возможности быть достаточно активным сотрудником проэктируемого Вами отдела. Тем не менее я бы охотно принял участие в отделе рецензий, если Вы сочтете возможным высылать мне книги для отзыва, т. к. я совершенно лишен возможности добывать их самостоятельно: здесь даже газета – величайшая редкость и единственная литература – та, что осталась от австрийцев на оставленных ими позициях.

Я бы охотно давал отзывы о следующих книгах: по истории французской литературы, особенно до романтизма, пушкинская литература, книги и статьи по вопросам стихосложения и по примыкающим сюда вопросам. Здесь я перечисляю вопросы, по которым мне уже приходилось писать.

В случае, если мне удастся побывать в Петрограде, надеюсь выяснить этот вопрос детальнее ¹.

Вернувшись в Петроград, Томашевский немедленно связал свою научную работу с ОПОЯЗом – Обществом изучения теории поэтического языка, официально учрежденным В. Б. Шкловским во второй половине 1919 г. Организованное им прежде «Свободное содружество ученых-филологов», носившее до этого времени название «Сборники по теории поэтического языка», было преобразовано 2 октября 1919 года в Общество изучения теории поэтического языка (ОПОЯЗ) и официально зарегистрировано (19 декабря 1919 года) Управлением делами Народного комиссариата внутренних дел» [Крусанов, 2003б, с. 296–297]. Их знакомство могло состояться еще зимой 1914 г.: 8 февраля Томашевский должен был выступать в прениях на знаменитом вечере «О новом слове» в Концертном Зале Тенишевского Училища, программа которого, в том числе, включала доклад Шкловского «Воскрешение вещей» ².

Однако их настоящее знакомство приходится на ранний период Московского Лингвистического Кружка, к работе в котором Томашевский был

¹ РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. № 843. Д. 1. Здесь и далее особенности орфографии и пунктуации источника сохранены.

² См. об этом вечере: [Парнис, Тименчик, 1983, с. 221; Крусанов, 2003а, с. 311–316, 982–983].

привлечен председателем МЛК Романом Якобсоном³. По его же приглашению Шкловский периодически приезжал в Москву и несколько раз выступал в Кружке в 1919–1921 гг.⁴ Не без влияния Якобсона к научным интересам Томашевского добавились история русской литературы XIX в. и пока еще не титулованная отрасль филологии, которая позже в его трудах получит название «текстология»⁵.

Именно эти две дисциплины послужили поводом для его схождения с Ю. Н. Тыняновым, с которым он знакомится после переезда в Петроград непосредственно на заседаниях Общества изучения поэтического языка, участником которого Тынянов стал, видимо, во второй половине 1920 г. Самое раннее упоминание его участия в ОПОЯЗе относится к осени: в анкетном листе Дома Литераторов, датированном 22 сентября 1920 г., в ответе на вопрос о своей литературной деятельности Тынянов сообщал: «Преподаватель б<ывшего> Тенишевского училища, состою сотрудником издательства Гржебина (редактирую сочинения Кюхельбекера), сотрудник издания “Пушкинист”, секретарь Общества изучения теории поэтического языка, сотрудник журнала “Дом Искусств” и литературных альманахов в Доме Литераторов» [Юрий Тынянов..., 1994, с. 75]. В марте 1921 г. под маркой ОПОЯЗа проходят их выступления в петроградском Доме Искусств:

«Обществом Изучения Поэтического языка» («Опояз») – устроен был вечер с участием Е. Д. Поливанова («Катюша Маслова в Японии»), Ю. Н. Тынянова («Гейне в России») и В. Шкловского («Пророк вне отечества»). От этого же общества читал в Доме Искусств лекцию Б. Томашевский («Научно-образные» – о работах Андрея Белого и В. Брюсова по вопросам ритма)⁶.

³ Это зафиксировано в протоколе заседания МЛК от 21 июня 1919 г. в пункте 4 повестки: «Предложение Р. Якобсона о [выб<орах>] баллотировании Б. Томашевского и Б. Ярхо в члены Кружка. – Б. Томашевский и Б. Ярхо выбраны членами Моск<овского> Лингв<истического> Кружка *единогласно* (Отдел лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук. Ф. 20 (Московский Лингвистический Кружок), л. 61; благодарим И. А. Пильщикова за возможность ознакомиться с копиями документов МЛК).

⁴ Его дебют в МЛК состоялся 1 сентября 1919 г. с докладом «Сюжетосложение в кинематографическом искусстве» [Пильщиков, Устинов, 2018а]. Последний раз Шкловский выступил там с докладом «Тема, образ и сюжет Розанова» 3 апреля 1921 г., когда Кружок переживал глубокий кризис, вызванный отъездом Якобсона за границу и появлением в МЛК фракции Г. Г. Шпета (см. подробнее: [Пильщиков, Устинов, 2018б]).

⁵ О происхождении этого термина см.: [Рейсер, 1978, с. 3].

⁶ Дом Искусств. 1921. № 2. С. 119; см. также афишу вечера ОПОЯЗа 9 марта 1921 г.: [Чукоккала, 1979, с. 285].

Научному сближению Томашевского и Тынянова способствовали и общий круг историко-филологических тем (Пушкин и Тютчев, в первую очередь), и работа в Институте истории искусств. Однако возникшее стремление к сотрудничеству проявилось, фактически, только в единственной публикации «Молодой Тютчев (Неизданные стихи)», сделанной ими совместно в 1923 г. для «Тютчевского сборника» [Томашевский, Тынянов, 1923]⁷. Еще один, более ранний, проект работы в соавторстве остался реализованным лишь отчасти.

В предисловии к образцово подготовленному тому «Поэтика. История литературы. Кино» выступивший одним из составителей В. А. Каверин заметил, что «важным дополнением к известным “пушкинским” работам Тынянова» в новом издании является «острополемиическая работа “Мнимый Пушкин” – о многочисленных в свое время псевдоатрибуциях» [Тынянов, 1977, с. 12]. Статья была воспроизведена здесь по черновому автографу из его архива [Там же, с. 78–92], однако первоначально работа «Мнимый Пушкин» была задумана как совместный проект Тынянова и Томашевского.

В своих комментариях Е. А. Тоддес подробно воссоздает историю несостоявшихся публикаций «Мнимого Пушкина» – сначала в альманахе «Недра», а затем в журнале «Печать и революция»:

В письмах Груздева к Зайцеву о статье говорится как о совместной работе Тынянова и Б. В. Томашевского: «У меня сейчас есть вот что: Тынянов и Томашевский – два образцовых стилиста и ученых – приготовили журнальную вещь – “Мнимый Пуш-

Б. В. Томашевский
1920-е гг.

Ю. Н. Тынянов
Конец 1920-х гг.
Частное собрание.
Публикуется впервые

⁷ О фактах, подтверждающих близость научных позиций Томашевского и Тынянова см.: [Тынянов, 1977, с. 423].

кин” <...> Вещь острая, живая и серьезная – касается всех основ пушкиноведения (размером 1 лист)» (23 октября 1922 г.). В письме, датированном 15 ноября: «Статью Тынянова и Томашевского посылаю с тем, чтобы прислали обратно, если не подойдет. И известие о ее получении. Это единственный экземпляр, даже черновика нет. Статья прекрасная и веселая. Если не в “Новую Москву”, то нельзя ли устроить еще куда-нибудь. Только так, чтобы не авторство? – стерты буквы на краю листа» не получило большой огласки». В следующем письме: «Если Т. Т. (“Мнимый Пушкин”) нельзя устроить в Москве, вышлите обратно с верной оказией. Эту вещь очень важно скорее напечатать» [Тынянов, 1977, с. 421].

Оба ученых ощущали методологическую исчерпанность современной им пушкинистики и необходимость пересмотра «всех основ пушкиноведения». Стремление Тынянова дать образцы «новой науки о Пушкине» было созвучно подходу Томашевского: «“Пушкинизм” без воздействия извне грозит заболотиться, если, впрочем, более молодая группа научных работников не взорвет его изнутри. Правда – подобный взрыв может сопровождаться незаслуженно почтительной ломкой традиций, – но в конечном счете только таким путем можно дойти до синтеза» [Томашевский, 1925, с. 74]. Так возникла идея совместной работы:

Авторитетное свидетельство Груздева о соавторстве имеет подтверждение: в архиве Тынянова находится определенно относящийся к статье отрывок – автограф Томашевского <...> об одном из эпизодов псевдопушкинианы <...> В рукописи Тынянова следов соавторства нет, имеется, напротив, помета «Ю. Т.» (при пояснении в цитате). Возможно, статья должна была быть составлена из частей, написанных каждым автором самостоятельно. Архивные данные позволяют не сомневаться в авторстве Тынянова и отделить этот вопрос от другого – какой текст (он нам неизвестен) был подготовлен для совместного выступления [Тынянов, 1977, с. 421].

Черновик этой заметки, обнаруженный Е. А. Тоддесом, показывает, что первоначально каждый должен был представить свой аспект «Мнимого Пушкина»: Томашевский писал о М. Л. Гофмане, а Тынянов – о Н. Л. Лернере. Но общий совместный текст так и не сложился, поэтому Тынянов использовал выбранное совместно заглавие для своей собственной статьи, которая, впрочем, тоже осталась незаконченной.

Заметка Томашевского посвящена текстологической оплошности Гофмана. В том же 1922 г., когда задумывалась его совместная работа с Тыняновым, Томашевский напечатал критический разбор гофманской пушкинистики, выдержанный в более академической тональности. Здесь он отмечал и подробно обсуждал текстологические достоинства и недостатки публикаций, однако не смог скрыть раздражения помпезным названием книги Гофмана: «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» [Томашевский, 1922].

«Мнимый Пушкин» Тынянова написан тем же методом, что и его знаменитая статья «Промежуток», посвященная современной поэзии: в первых главах обеих работ формулируются общие положения, затем следуют аналитические заметки, посвященные частным случаям: в одном случае это портреты современных поэтов, в другом – эпизоды «псевдопушкинианы». Каждая заметка возвращается к первому из композиционных звеньев, в то время как число примыкающих заметок остается подвижным: состав «Промежутка» в журнальной публикации 1924 г. (не дождавшейся продолжения из-за закрытия «Русского Современника») значительно отличается от книжной версии 1929 г. (в книге «Архаисты и новаторы» (см.: [Тынянов, 1977, с. 471])). Структурно статья состоит из пяти главок: после первой вводной статьи четыре последующие касаются ошибок, допущенных Лернером, при этом в главах 3–5 предпринят подробный разбор частных случаев этих ошибок.

Е. А. Годдес отмечал: «Далеко не все атрибуции Лернера были столь неудачны, как те, с которыми полемизирует Тынянов <...> – другие приняты и вошли в науку» [Тынянов, 1977, с. 426]. Нет сомнений, что Тынянов, прошедший через пушкинский семинарий С. А. Венгерова, достаточно высоко ценил историко-литературные работы Лернера, в первую очередь его монументальную монографию «Труды и дни Пушкина» (1903, 1910). Острота его антилернеровских филиппик связана с обстоятельствами, выходящими за пределы пушкинистики.

Поводом для них послужила уничтожающая рецензия Лернера в журнале «Книга и Революция» на посмертное издание поэмы Георгия Маслова «Аврора», предисловие к которой написал Тынянов:

Покойный молодой поэт плыл в струе довольно противного и мелкого историко-литературного снобизма, который захватил в последние годы так много молодежи, не бог весть что, правда, обещающей, но во всяком случае достойной лучшей участи. Все это не столько стилизаторы, сколько просто подражатели, притом технически неумелые. Ю. Тынянов хвалит Маслова и за ту «отчетливую, до линий историко-литературного реферата» (именно!) композицию, и за «традиционные, богатые архаическим весом» эпитеты, что, по мнению редактора, «возобновляет красивую традицию». Не стоит говорить о том, что только духом хладные и притом непроходимо наивные литературные скопцы могут серьезно думать о «возобновлении» того, что и без них и наперекор им вечно живо, и сводить Пушкина и Баратынского к «традиции», пригодной для школьных стилизаций. Поэма Маслова и с этой стороны ничтожна, и друзья покойного оказали его памяти плохую услугу, предав ее печати. В ней есть несколько скверных стихов, есть несколько хороших, но в целом – она вся банальна, слащава и фальшива. В качестве историко-литературного, как выражается г. Тынянов – «стихового» портрета, она еще ничтожнее и ничего не говорит о действительном, историческом лице. Кстати, Демидов, за которым была замужем героиня, не звался ни Сан-Донатом, ни графом, как сообщает г. Тынянов (да графов Де-

мидовых никогда и не бывало). «Фронтиспис» А. И. Божерянова, засунутый в середину книги, где он перестает быть фронтисписом, детски слаб и по композиции и по рисунку [Н. Л. (Лернер), 1922, с. 59].

К своему участию в издании поэмы покойного друга Тынянов относился с присущей ему самоиронией⁸, однако оскорбительный тон пасквильной рецензии Лернера привел его в бешенство. Была задета честь его университетского товарища, талантливого поэта и подававшего большие надежды филолога, не имевшего возможности ответить на выпад рецензента: Маслов умер в Красноярске от тифа 20 марта 1920 г., во время отступления частей колчаковской армии.

Отсюда – оправданно резкий тон Тынянова, который перенес свою личную обиду в регистр полемики относительно казусов пушкинистики. Показательно здесь совмещение литературного настоящего и далекой эпохи, ставшей основным предметом его историко-филологических штудий. Неоднократно отмечалось, что отношение Тынянова к Пушкину и к его друзьям и современникам было исключительно пристрастным. Позже это пристрастное отношение автора к своему герою отзовется в его исторической прозе.

Впрочем, когда «точка кипения» личной обиды была пройдена, уже в конце 1924 г. Тынянов постарался смягчить полемическую остроту статьи:

⁸ Об ироническом отношении свидетельствуют остроумные стихотворные надписи на авантюлах экземпляров, которые Тынянов дарил близким:

Б. Эйхенбауму Юр. Тынянов.

Motto: Лермонтов.

Покойный Маслов, мертвая Аврора,
Умрут и фронтиспис с статьею скоро...
Надгробным камнем станет белый томик,
И будет жив один «картонный домик», –
Но Вам, знаток старинных интонаций,
Вам внятен стиль остывших стилизаций.

<Л. Н. Тыняновой >

Сеструха Лидия, тебе сей экземпляр,
Где дышит даже шрифт, а фронтиспис – кошмар.
Который изобрел художник Божерянов,
Где в предисловии витийственный Тынянов
(Твой уважаемый тобою старший брат)
Так кисло подновил стилизационный хлад
[Книги и рукописи..., 1989, с. 148].

7 ноября 1924 г. Тынянов сообщал, что читал статью в Опоязе в 1923 г., так же он датирует в этом письме и саму статью. Здесь же сообщалось, что статья должна появиться в «Печати и революции», и, поскольку *«все сроки для тона моей полемики прошли»* <курсив наш. – А. У., И. Л.>, Тынянов просил адресата проследить за корректурой по авторским указаниям, в частности выбросить «слишком бурлескные места» и «все слишком резкие эпитеты». Из перечисления «бурлескных мест» видно, что текст, посланный в редакцию журнала, отличался от сохранившегося в архиве Тынянова (видимо, подбором «антилернеровских» примеров – так, цитировалась статья Лернера об «окончании» «Юдифи»; в публикуемом тексте этот эпизод только упомянут с обещанием вернуться к нему). Из письма от 26 ноября 1924 г. явствует, что Винокур внес в текст изменения: «Конец Ваш, – писал Тынянов, – превосходит и дает как бы квинтэссенцию статьи». В своей мемуарной заметке Винокур вспоминал, что вскоре после их знакомства в мае 1924 г. «нашелся и повод для переписки. Тынянов написал статью “Мнимый Пушкин”, в которой очень остроумно, в свойственной ему резковато-ехидной манере, высмеивал пушкинистов старой школы <...>». О своем содействии напечатанию статьи Винокур замечает: «Я ревностно пытался исполнить эту просьбу, хотя до конца довести дело так и не удалось <...>» [Тынянов, 1977, с. 422].

Как уже было сказано, заметка Томашевского посвящена ложной атрибуции, допущенной Гофманом, который, как и Лернер, был в первую очередь литератором и лишь во вторую – пушкинистом. В портфеле рукописной литературной газеты «Ирида», собиравшейся под редакцией А. Г. Фомина, сохранилась рецензия Гофмана на выпущенное в свет в 1922 г. первое текстологически обоснованное издание «Гавриилиады», подготовленное Томашевским. В рецензии были указаны уязвимые места принятых им текстологических решений. Возможно, это выступление Гофмана оказалось ему известно, поскольку он сам написал для «Ириды» рецензию на книгу своего товарища по ОПОЯЗу Б. М. Эйхенбаума «Мелодика стиха» (1922) (см.: [Лавров, 2010, с. 210–213]).

Основная претензия Томашевского и Тынянова к методологии пушкинистов поколения Лернера и Гофмана заключалась в подмене собственно литературного анализа оценочными суждениями. Именно это формулирует в своей части Тынянов, выбирая для этого подходящую метафору:

... г. Лернер идет не столько путем кропотливого анализа стиля, сколько путем «синтеза», применяя к критике текста эстетически-оценочные суждения о нем. Для этих суждений у г. Лернера выработался даже особый стиль: здесь «никак нельзя узнать *ex ungue leonem*»; «по полету виден орел. Внимательный анализ статьи убеждает, что автором ее мог быть только Пушкин»; «*Ex ungue leonem...*» В этих остроумных шутках, с виду таких добродушных, чувствуются пушкинские когти <...> [Тынянов, 1977, с. 82].

Процитированная во второй главке «Мнимого Пушкина» латинская поговорка о льве и его когте проходит сквозь всю статью. Тынянов неукоснительно соблюдает свое обещание: «Приведем несколько примеров “львиного когтя”», – с разной степенью язвительности возвращаясь к поговорке в каждой из последующих главок. «Коготь принадлежит только льву», – сказано в самом начале следующего фрагмента; главка 4 написана между русской и латинской версиями поговорки (которая, как известно, дала название шуточному стихотворению Пушкина 1825 г.) – «Если когти бывают не у одних львов, то какие же когти у льва? Вот какие» и «Ех ungue leonem»; в финальных тактах последней, пятой: «Остается “функция” и “коготь”, с которыми мы уже познакомились» [Тынянов, 1977, с. 82–92]. «Нескладица стихов не смущает ученого. Мы видели уже, что для льва годятся и неважные когти», – пишет Томашевский о приписанных Лернером Пушкину беспомощных стихах. Поговорка «Ех ungue leonem (pingere)», таким образом, выступает здесь в качестве «стебелька», при помощи которого отдельные «листки» (кому бы они не принадлежали) должны были бы присоединяться к единому «стволу» – исходным обобщающим посылкам первых двух главок «Мнимого Пушкина».

Статья Тынянова завершается эффектной концовкой – диагнозом, выставленным до-опоязовской пушкинистике и ее незадачливым представителям:

Новая стадия «мнимого Пушкина», со всеми ее функциями и концепциями, возможна только при отгороженности «науки о Пушкине» от методологических вопросов и от общей истории литературы. Только войдя в общую науку о литературе, изучение Пушкина раз навсегда разделается с «мнимым Пушкиным» и «вожделирующим» журнализмом, его производящим [Там же, с. 92].

Пассажем об отгороженности («обособлении») науки о Пушкине от общей истории литературы завершается и черновик Томашевского. Замечательно, что печатно об ошибке Гофмана вскоре заявил Лернер (под псевдонимом «Метатель бисера»), язвительно отметивший и «журнализм», и источниковедческую некомпетентность коллеги-пушкиноведа:

«Чрезвычайное происшествие! Неожиданное известие!»

Новые стихи Пушкина.

Они напечатаны в «Пушкинском сборнике памяти проф. С. А. Венгерова», только что вышедшем.

Это окончание дивной элегии «Ненастный день потух...»

М. Л. Гофман в специальной статье публикует восемь стихов, «найденных нами в экземпляре издания 1829 г., находившемся в библиотеке П. А. Ефремова, составляющей в настоящее время собственность Пушкинского Дома. В этом экземпляре мы читаем: “Но если праведно она заклочала...”»

Дальше не выписываем. (Она – ревность, которую терзался поэт.)

Вследствие факта умолчания об этом окончании пьесы самим П. А. Ефремовым, в экземпляре которого оно находится, а также по разным другим резонам, ученейший М. Л. Гофман считает необходимым «опубликование восьми стихов окончания элегии».

И публикует. С чем почтительно поздравляем как автора интересного сообщения, так и редактировавшую сборник специальную комиссию, имена членов которой также заслуживают прославления: А. С. Долинин-Искоз, В. М. Энгельгардт, Н. В. Яковлев, С. И. Гальперин.

Всем им честь и хвала!

«Все хорошо, но дело в том», скажем мы словами поэта, что открытие М. Л. Гофмана немного запоздало.

На сорок один год!

Покойный Ефремов вовсе не умолчал об этих стихах, а напечатал их с осторожным примечанием: «Пушкинские ли это стихи, неизвестно».

И напечатал в довольно известной книге – в «Сочинениях А. С. Пушкина», изд. 8-е, т. I, М., 1882, стр. 533.

М. Л. Гофман, если пожелает, пусть заглянет в эту книгу.

Еще немного, – и счастливый М. Л. Гофман «откроет» и опубликует «Капитанскую дочку». Заранее поздравляем многообещающего ученого [Метатель бисера, 1923].

Заметка Томашевского осталась незаконченной, однако память о совместной работе с Тыняновым отозвалась в его позднейших исследованиях: прежде всего, в книге 1925 г., где проблема источников «многого Пушкина» освещена с исчерпывающей полнотой, а также в обзоре 1934 г., где оценка вклада Гофмана в науку о Пушкине дана в исторической перспективе:

Источники мнимого Пушкина различны. Во-первых, это – автографы поэта. Пушкин имел неосторожность копировать чужие произведения. <...>

Другой источник – это неавторитетные списки, сделанные лицами, подобными упомянутому герою Гоголя, и наивно подправленные подписью Пушкина.

Третий источник – это неблагоприятные догадки исследователей, видящих «Пушкинский стиль» там, где его нет.

Четвертый источник – мистификация, вроде известных мистификаций Грена, долго пользовавшихся авторитетом среди издателей Пушкина. <...>

Одной из ближайших задач исследователей Пушкинского текста является перепроверка всех оснований, по которым Пушкину приписывается то или иное произведение, и разделение их на несомненные и сомнительные. Совершенно необходимо выделить сомнительные произведения в особый класс, т. к. нельзя требовать от лиц, работающих над текстами Пушкина, чтобы они, каждый за свой риск и страх, проделывали всю работу по проверке принадлежности Пушкину того или иного произведения, и издатель обязан предупредить читателя о несовершенной убежденности своей в при-

надлежности данного произведения Пушкину [Томашевский, 1925, с. 52, 54].

Новая литература по текстологии начинается с работ Модеста Гофмана. Эти работы в свое время вызвали резкую полемическую реакцию. Ошибки автора обсуждались с большой горячностью и страстностью, на которую вызывал декларативный тон автора и резкость его собственной полемики против текстологических приемов прежних издателей Пушкина. В настоящее время, когда страсти улеглись, работы Гофмана можно оценивать объективно, не подвергая себя опасности вести одностороннюю полемику. <...> Обладая большим текстологическим опытом, Гофман подкреплял критику приемов Морозова и других рядом интересных и тонких замечаний, которые остаются справедливыми до настоящего времени. Однако для общих концепций его характерен эмпиризм, роднящий его с текстологами старого призыва. Для Гофмана не существует особых текстологических проблем, возникающих из существа дела, из телеологии установления текста. Все проблемы ставятся как приемы практического разрешения задачи о передаче документа. В основе такой постановки вопроса лежит предпосылка о непоколебимой подлинности самого документа и все сложные моменты критики текста понижаются до вопросов о технике передачи документа. <...> Стремление к объективной точности и к осязательной аргументированности привело Гофмана к некоторой грубости в трактовке наиболее сложных вопросов текстологии и пагубным образом отразилось на его практических опытах в деле редактирования. Дурной объективизм заставил Гофмана в качестве мнимо «субъективных» элементов устранить из круга текстологических проблем все вопросы, связанные с идеологической природой публикуемого объекта, в частности с элементами, определяющими его как эстетическую ценность [Томашевский, 1934, с. 1055–1056].

Готовя свои полемические заметки, Тынянов углубился в критику Лернера и отошел от первоначального замысла совместной работы, поэтому набросанный Томашевским фрагмент явно выпадал из новой версии «Мнимого Пушкина». Однако и между частями, написанными каждым из соавторов на тот момент, уже ощущается стилистическая несовместимость: стремление Тынянова достойно ответить на оскорбление, нанесенное Лернером памяти его покойного друга, было сильнее, чем замечания Томашевского относительно текстологического конфуза Гофмана.

Б. В. Томашевский

<Мнимый Пушкин>⁹

<л. 1>

Мнимый Пушкин – болезнь старая, но не изжитая и сегодня. Один из авторитетнейших молодых представителей «Науки о Пушкине» заявляет –

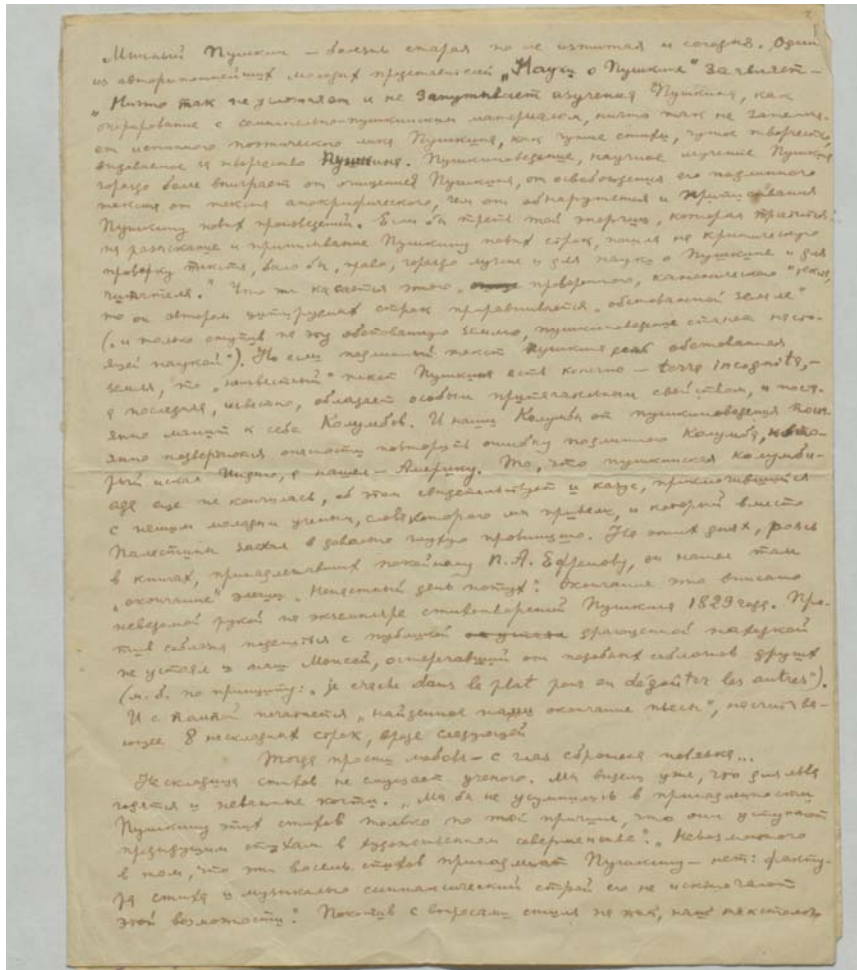
«Ничто так не усложняет и не запутывает изучения Пушкина, как оперирование с сомнительно-пушкинским материалом, ничто так не затемняет истинного поэтического лика Пушкина, как чужие стихи, чужое творчество, выдаваемое за творчество Пушкина. Пушкиноведение, научное изучение Пушкина гораздо более выиграет от очищения Пушкина, от освобождения его подлинного текста от текста апокрифического, чем от обнаружения и приписывания Пушкину новых произведений. Если бы треть той энергии, которая тратится на разыскание и приписывание Пушкину новых строк, пошла на критическую проверку текста, было бы, право, гораздо лучше и для науки о Пушкине, и для читателя»¹⁰. Что же касается этого [очище] «проверенного, канонического» текста, то он автором цитируемых строк приравняется «обетованной земле» («и только ступив на эту обетованную землю, пушкиноведение станет настоящей наукой»¹¹). Но если подлинный текст Пушкина есть обетованная земля, то «неизвестный» текст Пушкина есть, конечно – terra incognita, – а последняя, известно, обладает особым притягательным свойством и постоянно манит к себе Колумбов. И наши Колумбы от пушкиноведения постоянно подвергаются опасности повторить ошибку подлинного Колумба, который искал Индию, а нашел – Америку. То, что пушкинская Колумбиада еще не кончилась, об этом свидетельствует и казус, приключившийся с нашим молодым ученым, слова которого мы привели, и который вместо Палестины заехал в довольно глухую провинцию. На этих днях, роясь в книгах, принадлежавших покойному П. А. Ефремову¹², он нашел там «окончание»

⁹ РГАЛИ. Ф. 2224. Оп. 1. № 209; автограф Томашевского на бланке: «Собственная Его Императорского Величества Канцелярия по учреждениям Императрицы Марии. Архив. С.-Петербург. 190__ г. № __».

¹⁰ [Гофман, 1922, с. 111–112].

¹¹ [Там же. С. 101].

¹² Петр Александрович Ефремов (1830–1907) – библиофил, историк литературы, публикатор и комментатор сочинений Пушкина и других классиков русской литературы.

«Мнимый Пушкин – болезнь старая...» Автограф Б. В. Томашевского. 1922. РГАЛИ. Ф. 2224. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 1. Публикуется впервые

элегии «Ненастный день потух»¹³. Окончание это вписано неведомой рукой на экземпляре стихотворений Пушкина 1829 года. Против соблазна

¹³ См.: Гофман М. Л. Окончание элегии «Ненастный день потух...» в: [Пушкинист IV, 1922, с. 229–232]. Критикуемая публикация соседствовала в сборнике со статьей Томашевского «Пушкин – читатель французских поэтов» [Там же, с. 210–228].

поделиться с публикой [не устоял] драгоценной находкой не устоял и наш Моисей, остерегавший от подобных соблазнов других (м. б. по принципу: «je crache dans le plat pour en dégoûter les autres») ¹⁴. И с помпой печатается «найденное нами окончание пьесы», насчитывающее 8 нескладных строк, вроде следующей:

Тогда прости любовь – с глаз сброшена повязка...

Нескладица стихов не смущает ученого. Мы видели уже, что для льва годятся и неважные когти. «Мы бы не усумнились в принадлежности Пушкину этих стихов только по той причине, что они уступают предыдущим стихам в художественном совершенстве». «Невозможного в том, что эти восемь стихов принадлежат Пушкину – нет: фактура стиха и музыкально-синтаксический строй его не исключают этой возможности». Покончив с вопросами стиля на этом, наш текстолог <л. 2> все же сомневается: «Сомнения наши начинаются с другого момента и по другим основаниям: мы сомневаемся в авторитетности происхождения этой записи восьми стихов, неизвестных ни в каких списках элегии, и наше сомнение усиливается вследствие факта умолчания об этом окончании самим П. А. Ефремовым, в экземпляре которого оно находится. По-видимому, и Ефремов не знал источника происхождения этих стихов или, если знал, не доверял его авторитетности» ¹⁵.

Спешим рассеять сомнения талантливого ученого. Ефремов кое-что знал об этом «окончании», ибо в своем собрании «Сочинений А. С. Пушкина» (в «Сочинениях Пушкина», а не в «Варшавском Дневнике» ¹⁶) он его опубликовал.

«При распродаже книг покойного академика М. Е. Лобанова мне, попалось издание сочинений Пушкина 1829–1835 <г>г. с вписками Лобанова, причем в Оде Наполеону пропускавшиеся строфы вписаны вполне верно; в настоящем же стихотворении первый пропуск, где говорится о ревности<,> не замещен, но конец дописан. Пушкинские ли это стихи неизвестно:

¹⁴ «Я плюю на блюдо, чтобы отвратить других» (фр.) – перифраз анекдота, приписываемого Вольтеру, который обронил по поводу сочинения своего покровителя, короля Пруссии Фридриха II «Антимакиавелли, или критическое эссе о Государе Макиавелли» («Anti Machiavel, ou essai de critique sur le Prince de Machiavel»; 1739–1740): «Он плюет на блюдо, чтобы отбить у других охоту к еде» («Il crache au plat pour en dégoûter les autres»). См., например: [Encyclopédiana, 1856, p. 67].

¹⁵ [Пушкинист IV, 1922, с. 231].

¹⁶ Приписанное Пушкину стихотворение «Nec temere, nec timide...» было приведено в [Маркевич, 1880, с. 4]. Этому эпизоду псевдопушкинианы посвящена четвертая главка статьи Тынянова [1977, с. 84–88].

Но если праведно она <ревность> заклокотала.
Но если не вотще ревнивая тоска.
И с вероломства покрывало
Сняла дрожащая рука...
Тогда прости любовь – с глаз сброшена повязка;
Слепец прозрел, отвергши стыд и лесть,
Взамен любви в душе лелеет месть,
И восточный кинжал – той повести развязка».
(Сочинения А. С. Пушкина под редакцией Ефремова 1882 г. Т. I
стр. 533)¹⁷

Правда, П. А. Ефремов, по здравом размышлении, исключил эти вирши из последнего, отредактированного им издания (Суворинского 1905 г.¹⁸), куда, вероятно, только и заглянул наш молодой «исследователь».

Легко печатать «открытия»<,> не ознакомившись с историей печатного текста опубликованного произведения. Автономность же науки о Пушкине сделала совершенно излишним изучение такой истории. В 1887 г. Якушкин квалифицировал как «удивительное непонимание основных правил» взгляд одного журнального рецензента, который назвал «бесполезною Сизифовою работою изучение печатного текста Пушкина, сличение “книги в большую осьмушку с книгою в малую осьмушку<”>»¹⁹.

Благодаря обособлению «науки о Пушкине» от общей науки истории литературы [взгляды], этот «взгляд» проводится в жизнь ее подвижниками.

Список литературы

Гофман М. Л. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Пг.: Атеней, 1922. 160 с.

Ефремов П. А. Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1903. 45 с.

Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации / [Сост. М. С. Лесман и др.; вступ. ст. Н. Г. Княzewой]. М.: Книга, 1989. 462 с.

Крусанов А. В. Русский авангард, 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. М.: НЛЮ, 2003а. Т. 1: Боевое десятилетие. Кн. 2. 1104 с.

¹⁷ [Пушкин, 1882, с. 533].

¹⁸ Имеется в виду том, дополнявший семитомное собрание сочинений [Пушкин, 1887]. В этом издании было только отмечено: «Ряды точек принадлежат поэту» [Пушкин, 1905, с. 195].

¹⁹ [Якушкин, 1887, с. 699].

Крусанов А. В. Русский авангард, 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. М.: НЛЮ, 2003б. Т. 2: Футуристическая революция (1917–1921). Кн. 1. 808 с.

Лавров А. В. Б. М. Эйхенбаум в литературной газете «Ирида» // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана* / Сост. и ред. А. Устинова. М.: Водолей, 2010. С. 201–213.

Маркевич Б. М. Письмо к редактору «Варшавского дневника» Н. Н. Голлицыну // *Варшавский дневник*. 1880. № 110, 26 мая. С. 4.

Метатель бисера [Лернер Н. О.] Пушкинисты и их открытия // *Жизнь искусства*. 1923. № 5. С. 9–10.

Н. Л. [Лернер Н. О.] [Рец.] Георгий Маслов. Аврора. Вступ. ст. Ю. Тынянова. Изд. «Картонный домик». Стр. 28. Петер. 1922 // *Книга и Революция*. 1922. № 7 (19). С. 59.

Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983*. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1985. С. 160–257.

Пильщиков И. А., Устинов А. Б. «История романа»: Виктор Шкловский в Московском лингвистическом кружке // *Сюжетология и сюжетография*. 2018а. № 1. С. 5–22.

Пильщиков И., Устинов А. Виктор Шкловский в ОПОЯЗе и Московском Лингвистическом Кружке (1919–1921 гг.) // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2018б. N. F. Bd. 6. S. 176–206.

[*Пушкин А. С.*] Сочинения А. С. Пушкина, с приложением его портрета, гравированного на меди Райтом: В 7 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. Федора Ивановича Анского, 1882. Т. 1. 550 с.

[*Пушкин А. С.*] Собрание сочинений: В 7 т. / 2-е изд. СПб.: Изд. В. В. Комарова, 1887.

[*Пушкин А. С.*] Сочинения А. С. Пушкина / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1905. Т. 8. 648 с.

Пушкинист IV: Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова / Под ред. Н. В. Яковлева. М.; Пг.: Государственное издательство, 1922. XL, 362 с.

Рейсер С. А. Основы текстологии. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1978. 176 с.

Томашевский Б. В. Новое о Пушкине // *Литературная мысль: Альманах I*. Пг.: Центральное кооперативное издательство «Мысль», 1922. С. 171–186.

Томашевский Б. В., Тынянов Н. Н. Молодой Тютчев (Неизданные стихи) // *Тютчевский сборник (1873–1923)*. Пг.: Былое, 1923. С. 40–47.

Томашевский Б. В. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л.: Культурно-просветительское трудовое товарищество «Образование», 1925. 134 с. (Серия «Проблемы современной литературы»).

Томашевский Б. В. Издания стихотворных текстов Пушкина // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18. С. 1055–1112.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Изд. подгот. Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М.: Наука, 1977. 756 с.

Чукоккала. М.: Искусство, 1979. 450 с.

Юрий Тынянов. Библиографическая хроника (1894–1943) / Сост. В. Ф. Шубин; науч. ред. И. Н. Сухих. СПб.: АО «Арсис», 1994. 78 с.

Якушкин В. Я. Александр Сергеевич Пушкин. Новые издания его сочинений с января по август месяцы 1887 г. // Русская старина. 1887. Т. 56, № 12, дек. С. 697–699.

Encyclopédiana. Recueil d'anecdotes anciennes, modernes et contemporaines. Nouvelle édition illustrée de 120 vignettes. Paris: Jules Laisné, Libraire-Éditeur, 1856. 930 p.

Article metadata

Title: Boris Tomashevskiy and Yury Tynyanov at Work on Their Article “Fake Pushkin”

Authors: A. Ustinov¹, I. Loshchilov²

Authors' e-mail: ¹ abooks@gmail.com, ² loshch@yandex.ru

Authors' affiliation: ¹ philologist (San Francisco), ² Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract. This publication is dedicated to the circumstances of Boris Tomashevsky's (1890–1957) and Yury Tynyanov's (1894–1943) work on their article “Fake Pushkin”. Tomashevsky's autograph was discovered by Evgenii Toddes (1941–2014) and is published here for the first time. It was mentioned in Toddes' commentary to Tynyanov's essay with the same title, which was included in his volume “Poetics. History of literature. Cinema” published in Moscow in 1977.

Here the authors reconstruct history of Tomashevsky's and Tynyanov's attempts at co-writing an article dedicated to the literary works that were erroneously (or intentionally) attributed to Pushkin at different times. This work was to appear in the almanac “Nedra” in 1923 or in the journal “Print and Revolution” a year later. However, the co-authorship did not manifest, and the only example of their work together was the article “The Young Tyutchev” (1923).

The five parts written by Tynyanov, and Tomashevsky's draft are based on a common platform of revising the foundations of the contemporary Pushkin studies. Both scholars were well aware of the need for a new theoretical and historical methodology in studying the poet's work, criticizing accordingly Nikolai Lerner (1877–1934), and Modest Gofman (1887–1959.)

The sharpness of Tynyanov's tone towards Lerner is based on the personal offence he took to Lerner's review of the posthumous edition of Georgii

Maslov's poem "Aurora", which was published in 1922 with Tynianov's introduction, written pro memoria. Two years later, while preparing his essay for the publication, he nevertheless softened the tone of his polemic with Lerner.

In his draft of the "Fake Pushkin" Tomashevsky translated into the polemical register the main provisions of his article "New on Pushkin" (1922), that discussed Gofman's textual constructions. This explains the stylistic and emotional mismatch in Tomashevsky's and Tynianov's contributions to the article. However, they remained in accord in their critical approach, claiming that a "new chapter in the Pushkin studies" (the title of Gofman's book) was untenable, as long as the scholars conservatively adhere to an aesthetically-evaluative rather than analytical approach in their critical studies.

Both Tomashevsky and Tynianov expressed this concept in their respective parts of "Fake Pushkin" through a range of metaphors, that appeal to the Latin proverb "Ex ungue leonem pingere" ("The lion is recognized by its claw").

Key terms: literary criticism, Pushkin studies, OPOIAZ, literary polemics, Russian Formalism, Alexander Pushkin, Georgii Maslov, Boris Tomashevskii, Yury Tynianov, Evgenii Toddes.

Reference literature (in transliteration):

Chukokkala. Moscow, Iskusstvo, 1979, 450 p. (in Russ.)

Efremov P. A. Mnimyy Pushkin v stikhakh, proze i izobrazheniyakh [Fake Pushkin in poetry, prose and images]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina, 1903. 45 p. (in Russ.)

Encyclopédiana. Recueil d'anecdotes anciennes, modernes et contemporaines [Encyclopediana. Collection of ancient, modern and contemporary anecdotes]. Nouvelle édition illustrée de 120 vignettes. Paris, Jules Laisné, Libraire-Éditeur, 1856, 930 p.

Gofman M. L. Pushkin. Pervaya glava nauki o Pushkine [Pushkin. The First Chapter of the Science of Pushkin]. Petrograd, Ateney, 1922, 160 p. (in Russ.)

Knigi i rukopisi v sobranii M. S. Lesmana: Annotirovannyi katalog. Publikatsii [Books and manuscripts in the collection of M. S. Lesman: Annotated catalogue. Publications]. Coll. by M. S. Lesman et al., introduc. by N. G. Knyazeva. Moscow, Kniga, 1989, 462 p. (in Russ.)

Krusanov A. V. Russkij avangard, 1907–1932 (Istoricheskij obzor) [Russian Avangard, 1907–1932 (Historical overview)]. In 3 vols. Moscow, NLO, 2003, vol. 1: The Battle decade, book 2, 1104 p. (in Russ.)

Krusanov A. V. Russkiy avangard, 1907–1932 (Istoricheskij obzor) [Russian Avangard, 1907–1932 (Historical overview)]. In 3 vols. Moscow, NLO, 2003, vol. 2: Futuristic revolution (1917–1921), book 1, 808 p. (in Russ.)

Lavrov A. V. B. M. Ejhenbaum v literaturnoy gazete "Irida". *Vademecum: K 65-letiyu Lazarya Fleishmana* [*Vademecum: In Honor of Lazar Fleishman*], ed. by A. Ustinov. Moscow, Vodoley, 2010, p. 201–213. (in Russ.)

Markevich B. M. Pis'mo k redaktoru "Varshavskogo dnevnika" N. N. Golitsynu. In: Varshavskij dnevnik [Warsaw Diary], 1880, no. 110, May. *Zhizn' iskusstva* [Life of Art], 1923, no. 5, p. 9–10. (in Russ.)

N. L. [Lerner N. O.] [Rev.] Georgij Maslov. Avrora. Vstupit. stat'ya Yu. Ty-nyanova. Izd. "Kartonnij domik". Str. 28. Peter. 1922. *Kniga i Revoljutsiya* [Book and Revolution], 1922, no. 7 (19), p. 59. (in Russ.)

Parnis A. E., Timenchik R. D. Programmy "Brodyachey sobaki". *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Ezhegodnik 1983* [Monuments of Culture. New discovery. Yearbook 1983]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1985, p. 160–257. (in Russ.)

Pilshhikov I., Ustinov A. Viktor Shklovskiy v OPOYaZe i Moskovskom Lingvisticheskom Kruzhke (1919–1921 gg.). *Wiener Slavistisches Jahrbuch* [Slavistisches Wiener Jahrbuch], 2018, N. F. Bd. 6. S. 176–206. (in Russ.)

Pilshhikov I. A., Ustinov A. B. "Istoriya romana": Viktor Shklovskiy v Moskovskom lingvisticheskom kruzhke. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology], 2018, no. 1, p. 5–22. (in Russ.)

[Pushkin A. S.] Sobranie sochineniy [Collected Works]. In 7 vols. 2nd ed. St. Petersburg, Publ. by V. V. Komarov, 1887. (in Russ.)

[Pushkin A. S.] Sochineniya A. S. Pushkina [Works by Pushkin]. Ed. by P. A. Efremov. St. Petersburg, publ. by A. S. Suvorin, 1905, vol. 8, 648 p. (in Russ.)

[Pushkin A. S.] Sochineniya A. S. Pushkina [Works by A. S. Pushkin], s prilozheniem ego portreta, gravirovannogo na medi Rajtom, pod red. P. A. Efremova, izd. 8-e, ispr. i dop.: In 7 vols. St. Petersburg, Publ. by Fedor Ivanovich Anskiy, 1882, vol. 1, 550 p. (in Russ.)

Pushkinist IV: Pushkinskiy sbornik pamyati professora Semena Afanas'evicha Vengerova [Pushkinist IV: Pushkin's Collection to the memory of Professor Semen Afanasevich Vengerov]. Ed. by N. V. Yakovlev. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922, XL, 362 p. (in Russ.)

Rejser S. A. Osnovy tekstologii [Fundamentals of textual criticism]. 2nd ed. Leningrad, Prosveshchenie, 1978, 176 p. (in Russ.)

Tomashevskiy B. V. Izdaniya stikhotvornykh tekstov Pushkina. *Literaturnoe nasledstvo* [Editions of poetic texts by Pushkin]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe objedinenie, 1934, vol. 16–18, p. 1055–1112. (in Russ.)

Tomashevskiy B. V. Novoe o Pushkine. *Literaturnaja mysl': Al'manah I* [Literary thought: Almanac I]. Petrograd, Tsentral'noe kooperativnoe izdatel'stvo "Mysl'", 1923, p. 171–186. (in Russ.)

Tomashevskiy B. V. Pushkin. Sovremennyye problemy istoriko-literaturnogo izucheniya [Pushkin. Modern problems of historical and literary study]. Leningrad, Kul'turno-prosvetitel'skoe trudovoe tovarishchestvo "Obrazovanie", 1925, 134 p. (Series "Problemy sovremennoy literatury") (in Russ.)

Tomashevskiy B. V., Tynyanov N. N. Molodoy Tyutchev (Neizdannye stikhi). *Tyutchevskij sbornik (1873–1923)* [*Tyutchev's collection (1873–1923)*]. Petrograd, Byloe, 1923, p. 40–47. (in Russ.)

Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. History of Literature. Cinema]. Prep. and comment. by E. A. Toddes, A. P. Chudakov, M. O. Chudakova. Moscow, Nauka, 1977, 574 p. (in Russ.)

Yakushkin V. Ya. Aleksandr Sergeevich Pushkin. Novye izdaniya ego sochinenij s yanvarya po avgust mesyatsy 1887 g. *Russkaja starina* [*Russian Antiquity*], 1887, vol. 56, no. 12, December, p. 697–699. (in Russ.)

Yuriy Tynyanov. Biobibliograficheskaya khronika (1894–1943) [Yuri Tynyanov. Biobibliographic chronicle (1894–1943)]. Coll. by V. F. Shubin, ed. by I. N. Sukhikh. St. Petersburg, AO “Arsis”, 1994, 78 p. (in Russ.)

DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-68-88